

Как это ни удивительно, но чаще всего мне приходилось встречаться с ними в... поезде, и встречи эти были неизменно радостными. Смелись не только мои спутники, — взрывы хохота раздавались и из других купе, когда поездной радист снова и снова пускал ленту магнитофона с записью концерта Тарапуньки и Штепселя. Слуховое восприятие у многих из нас сочеталось со зрительным образом — мы бывали на концертах артистов и видели фильмы, в которых они снимались.

И все же видеть их воочию «в натуре» еще более интересно.

На просцениуме — длинный и короткий: неторопливо ядовитый Тарапунька и быстрый Штепсель, изо рта которого фраза выскакивает круглой, отточенной, словно орешек, с хитрым зернышком вопроса внутри. Неудержимо хочется зрительный зал, видя, как, не торопясь, сочно, со вкусом раскалывает Тарапунька замысловатые орешки-вопросы своего друга, как медлительно выбирается он на длинных своих ногах из «ловушек», расставленных на его пути Штепселем. И по мере того как артисты разгрызают сценку за сценой, в зале нарастает ощущение какого-то особенного веселья, ощущения праздника. Веселья особенно дорогого потому, что это праздник в будни.

Одно из самых ценных качеств артистов Ю. Тимошенко (Тарапунька) и Е. Березина (Штепсель) — хорошая публицистичность, острая злободневность каждой работы. Вот «Вступительная интермедия» только что показанной московичам программы «Здоровеньки булы». Мы привыкли уже к тому, что гости, вступая на порог чужого дома, восхищаются всем, славят гостеприимство хозяев. Но в наш столичный «дом» приехали нынче сами «хозяева», по-хозяйски они замечают и борьбу с шумом на улицах столицы, и ремонт московских зданий, и всеобщую подготовку к фестивалю молодежи.

Но если во время интермедии слышатся лишь отдельные взрывы смеха в ответ на наиболее «гарные» реплики, то, например, сценка «Тарапунька отличился» идет под нарастающий, непрекращающийся хохот всего зрительного зала.

Подхалим Тарапунька соорудил новую баню не в рабочем поселке,

ТАРАПУНЬКА И ШТЕПСЕЛЬ — ИМЕНИННИКИ

как это было намечено по проекту, а в самом центре города, перед зданием горсовета. Зачем? А затем, чтобы ответственный товарищ Тузиков, выглянув в окно, мог самостоятельно и, так сказать, «наглядно» видеть усердие своего подчиненного. Плевать на то, что рабочим придется теперь мерзнуть по полтора часа в трамвае, добираясь до бани, — зато сам Тарапунька никогда уж не получит «баню» от товарища Тузикова. И невдомек этому горе-строителю, что, кроме Тузикова, кроме заместителей Тузикова и вышестоящих «над» Тузиковым товарищей (как смешны почтение и почти суеверный страх Тарапуньки, когда сложной над головой ладошкой он показывает этот начальственный «потолок», выше которого он и мыслить не смеет!), кроме всех них, есть главный оценщик его работы — народ.

Когда стихает смех в зале и сосед справа от меня вытирает платком слезы на глазах, невольно задумываешься — какую, в сущности, зловещую фигуру подхалима нарисовал артист. Подхалима усердного, даже искреннего в своем усердии и в почтении к непогрешимому авторитету любого вышестоящего начальника. Удивительно скромными и точными средствами это достигнуто!

А как смешно и зло показана ограниченность Тарапуньки, посланного за границу для изучения зарубежного опыта и ничего не привезшего оттуда, кроме сифона для смешивания соды с «уиски», как он выражается. Этот сифон, по его глубокому убеждению, высочайшее достижение современной иностранной техники... Весьма актуальна и музыкальная пародия «Однолюбов», в которой высмеиваются поклонники всего чужестранного. Тимошенко и Березин в сопровождении прекрасно звучащего инструментального квартета исполняют одну и ту же любимую песенку «стилят»: «Джонни, ты меня не любишь» — то на мотив цыганского романса, то на мотив «Чижика-пыжика» и т. д. Высмеив «однолюбов», готовых все и вся переименовать на иностранный лад, артисты, к слову сказать, показали себя хорошими жанровыми куплетистами.

Очень остроумна сценка «Штурмовщина» или что было бы, если

бы эстрадники давали концерты так, как некоторые предприятия выдают свою продукцию, возлагая все надежды на «штурмы» и «авралы» в конце месяца. Даже из столь краткого пересказа можно почувствовать, сколько по-настоящему комедийных возможностей в этом сюжете. И сыграна сценка хорошо. Сонные, вялые Штепсель и Тарапунька, не успев умыться, не повязав галстуков, то и дело обиваясь с танца на утреннюю зарядку и глотая из-за зевков слова, дают свой первый концерт в семь часов утра (чтобы успеть «выполнить программу»). Втянувшись далее в «штурмовой» темп последнего дня месяца, они, задыхаясь, вбегая на сцену и, переворачивая текст, поют свои куплеты. А к вечеру, ваяясь с ног от усталости, еле-еле дотягивают свой...надежда...тый концерт.

Исполняют эту сценку артисты хорошо, а могли бы сыграть и отлично. То, что с полей их шляется настоящая вода (до того ли, чтобы укрываться от дождя в этой спешке?!), или то, что их вдвоем уносят на одних носилках с последнего концерта, — неплохие трюки, но чисто внешние. Если бы артисты уделили больше внимания показу внутреннего убожества аврално-халтурного концерта, который порой принуждены смотреть зрители, эффект был бы неизмеримо выше.

А сценка «Мелочи» вообще построена на цирковом трюке — на «взрыве» рояля, который решил «открыть» динамитом рассеянный Тарапунька, «забывший» ключ от инструмента в своем кармане. Будто бы и допустимо на эстраде это сочетание, такая преемственность жанров, но... кое в чем эстраде все равно никогда не дотянуться до цирка. Скажем, в изготовлении нужного для номера реквизита. На цирковой арене бутафорский рояль развалился бы на составные части прямо на глазах изумленной публики — и занавеса не пришлось бы задерживать. Зачем же эстраде «неполноценный» трюк?

Но если эти небольшие замечания, относящиеся к постановочной, режиссерской стороне дела, могут показаться кому-то спорными, то использование в программе хороших известных анекдотов не обогащает ее. Мы имеем в виду рассказ Тарапуньки о своей посадке в Па-

риж, когда он «путует» Сену с сеном, Нотр-Дам принимает за дам, и т. п. Или анекдот, рассказанный им в сценке «Соседи Тарапуньки».

Однако в общем-то молодые сатирики В. Вахнов и Я. Костюковский, написавшие текст программы «Здоровеньки булы», и здесь показали себя остроумными и неповторяющимися авторами.

То, что концерт строится в основном на сатирических и комедийных сценках и интермедиях с участием Тимошенко и Березина, — совершенно естественно; они по праву могут называться мастерами смеха. Но это обстоятельство должно было бы наложить известный отпечаток и на всю остальную программу. К сожалению, этого нет. Мы вовсе не против того, чтобы веселые сценки перемежались серьезными номерами, но почему не поискать «точек сближения» между отдельными номерами программы? Ведь вот тот же В. Тасин, лауреат украинского конкурса музыкантов-исполнителей, «не побоялся» оказаться перед зрителями в начале программы в бессловесной роли пианиста, который «не может» сыграть прелюд Рахманинова, так как нет ключа от рояля. Но это не помешало пианисту открыть второе отделение вполне серьезным номером — фестивальной фантазией С. Кагана для фортепиано с оркестром.

Что сказать об остальных номерах концерта? Что из двух акробатических этюдов (братья В. и А. Яловые и акробаты М. Колосова и С. Уманский) вполне можно оставить один. Что жонглеры М. и А. Артамоновы могли бы работать точнее (впрочем, я имею в виду лишь тот вечер, когда смотрел их). Что темпераментный украинский танец, исполненный Л. Кузнецовой и Г. Чапником, и вокальное трио балдуристок (Н. Софиевко, Н. Буг и Ю. Коваль) придают известной национальной колорит программе (как и задник, расписанный яркими цветами). Но, думается, все же мастера украинской эстрады могли бы быть представлены в столице более богато, особенно в номерах вокальных.

Пусть не обижаются те участники концерта, которые лишь упомянуты здесь, и те, кто не упомянут вовсе. Именинники в этой программе — Тарапунька и Штепсель.

К. ЛАПИН.

События 22-157